

ПОКЕР ПЯТОГО КУРСА

АЛЕКСАНДР ШИШОВ

Александр Георгиевич Шишов

Покер пятого курса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65739813

SelfPub; 2023

Аннотация

События, описанные в книге, произошли в конце 1976 года. Группа пятикурсников-одесситов увлеклась новой и заграничной игрой в покер. В Харькове на преддипломной практике благодаря мелкому шулерству они легко обыгрывали всех подряд в общезнании. Сложилось впечатление сытой и удачной жизни. Но что-то пошло не так... Пока они играли в «покер», судьба сыграла с ними в «дурака». Только кто от этого выиграл?

Содержание

1. Карточная колода	5
2. Логарифмическая линейка	9
3. Заправка сифонов	17
4. Роль игры в развитии общения, или «Что наша жизнь? Игра»	24
4.1. Случайно подслушанный монолог любителя карточных игр в следственном изоляторе (начало)	24
4.2. Философские мысли	25
4.3. Случайно подслушанный монолог любителя карточных игр в следственном изоляторе (окончание)	29
4.4. Житие и бытие с играми и без	30
5. Волшебное слово	37
6. Стратегия и тактика	49
7. Сговор	62
8. Селяне	68
9. Разоблачение	85

Александр Шишов

Покер пятого курса

Похоже, что круг замкнулся... А может, это улыбка петли Мёбиуса?

Как же мне начать репортаж? Думаю, первые слова будут такими: *«Покер – это такая карточная игра...»*

Слово сказано. Есть лаконичное и интригующее название – «Покер». Так и запишем... Нет, не так... Точнее – «Покер пятого курса».

А.Шишов, «Питерский конкур»

Покер – это такая карточная игра. Я никогда не видел, как играют в покер, не знал правил и ими не интересовался. Но в самом конце 1976 года, в период преддипломной практики и написания дипломной работы, эта совершенно новая и неизвестная ранее игра неожиданно вторглась в мою жизнь и жизнь моих друзей, которые, так же как и я, успешно оканчивали свое обучение в Одесском технологическом институте имени холодильной промышленности.

1. Карточная колода

Всё началось с обыкновенной карточной колоды.

Нет, не верно. Все началось с необыкновенной карточной колоды. Сувенирная. Купленная в Ленинграде, в «Гостинном дворе». Чёрная, с расписанными под хохлому «рубашками». С новыми, никогда ранее не виданными лицами «карточных вельмож» и огромным количеством «цифрового дворянства» от состоятельных десятков, заполнивших весь карточный лист значками мастей, до обедневших до предела, но гордых своей незаменимостью, двоек. С всегда парадоксальными тузами, где только один значок масти остаётся в середине листа, и, кажется, карты младше уже нет, но именно здесь и скрывается величие в простоте. Вместо ожидаемой единицы в углу карты красуется буква «Т», заглавная, – условности карточных игр делают туза старше короля, и кто этого не знает, тот, увы, всегда проигрывает.

Но больше всего поражали две карты-близнецы, изображающие танцующего под перезвон бубенцов в шутовском наряде джокера, с его навсегда приклеенной фальшивой улыбкой сатира, под которой скрываются одержимость, наглость, плутовство, доступная только ему мораль и сомнительная добродетель.

Колоду хотелось гладить, долго и пристально рассматривать, перебирать, тасовать, сдавать и, в конце концов, играть

этими картами. Но во что?

Пятьдесят четыре великолепных листа настоятельно требовали игры. Но во что играть? Если в «Кинга» или «Дурака», то 18 карт останутся навсегда нетронутые и чистые, с ярко-белыми, выделяющимися на фоне остальных карт немусоленными обрезками. По закону карточных игр они навсегда потеряны для карточной колоды. Если в преферанс, то «белорубашечников» ещё больше. Воображение, из всех известных карточных игр с полной колодой, услужливо подкидывало игру в «Пьяницу», где может прекрасно прижиться джокер и будет бить любую карту. Но в «Пьяницу» играть сувенирной, чёрной с росписью под хохлому, новой, в 54 листа, нецелованной колодой – это какая-то оскорбительная пошлость.

Я нежно перебирал колоду с упругими, пружинящими листами, разглядывал лица на картинках, вдыхал запах свежей типографской краски – было почему-то очень тоскливо.

Аккуратно сложив карты обратно в коробочку, такую же чёрную, как и они сами, не менее прилежно вставлял на место откидывающийся клапан и бережно клал их на стол – как бы с краю, но на видном месте, чтобы всегда были под рукой и радовали глаз.

Подсознательно, в чередке дел суетных, мозг продолжал отрабатывать тему Чернышевского с трансформацией вопроса «Что делать?» в вопрос «Во что играть?». И через какое-то время, совсем короткий его промежуток, промельк-

нуло словосочетание «покерная колода». Да! Вот оно. Покер. Пятьдесят два листа, с двумя джокерами – это все полных пятьдесят четыре карты покерной колоды. Вот оно. Интеллигентно, загранично, свежо, неординарно и, безусловно, должно быть азартно.

Но как играть в покер, я не знал. Не знали и друзья-товарищи, но мир не без добрых людей. Кто-то где-то что-то слышал и рассказал. Кто-то где-то даже что-то видел и показал. Вспомнился Джек Лондон с играми на золотых приисках, кадры из фильмов, обрывки прочитанного. Медленно и уверенно выстраивалась цельная картина принципа и правил игры.

Итак, основной принцип – выиграть можно всё, не имея на руках никакой комбинации карт, так сказать, блефуя; и ничего не выиграть, имея на руках самую сильную карту. Воссоздавая правила покера, пришлось придумать порядок сдачи карт, порядок замены, торговли, вскрытия карт и порядок выхода из игры. И, самое главное, без чего вся затея была бы бессмысленна, удалось восстановить, а где и додумать, покерные комбинации из пяти карт, и, как мне казалось, расставить их по старшинству.

Всё было легко и логично, пока не столкнулись с непредвиденным из мира высшей математики. Кто сильнее – «флэш-рояль», когда, только произнеся это словосочетание, чувствуешь загадочную магию, оваянную оперно-королевской тайной театральных кулис? Или все-таки «покер» – простой,

грубоватый, понятный и, в то же время, величественный и надежный? Кто из них?

С одной стороны, собрать пять карт по порядку одной масти – невероятно сложно, но и четыре карты одного достоинства, сложенные вместе, – не менее невероятный случай. Как быть? И тогда, применив бытовую логику, заглянув на всякий случай под обложку книжки Е. С. Вентцель «Теория вероятности» и, в частности, воспользовавшись теоремой гипотез (формула Бейеса), нами было априори доказано – «флэш-рояль» старше. А лидером по старшинству – наивысшей комбинацией карт был признан сам «покер». «Каре» с джокером, так сказать, пять карт одного достоинства.

На этом глава 1 оканчивается, и я прошу прощения, если утомил кого-то, рассказывая об устройстве покера, но это крайне важно для понимания глубины комизма и трагизма описанных далее событий.

2. Логарифмическая линейка

К сожалению, курс теории вероятности, в отличие от наших коллег с теплофака, нам не читали, так что пришлось осваивать его самостоятельно. Зато как пример абсолютно не нужных навыков, у кого приобретенных, а у кого развитых в институте, было умение считать на логарифмической линейке.

Беру логарифмы. 1975 год. *А.Шишов*

Лично я логарифмическую линейку полюбил еще в детстве. У моего папы, военного летчика, штурмана эскадрильи в отставке, была замечательная, специальная, штурманская логарифмическая линейка. Широкая, в тёмно-синем коленкоровом плоском футляре, с каким-то военным, как мне тогда казалась, запахом дерева, пластика, авиационного бензина и переплетного клея. На линейке, при наличии обычных шкал, были еще шкалы для расчётов углов упреждения,

погрешностей от постоянной и круговой девиации, а также других специальных авиационных параметров. Умножать и делить на ней меня папа научил еще во втором классе, и я, упрощая себе решение примерчиков по арифметике, часто использовал эту линейку по прямому назначению. Папа не любил, когда я без спроса брал его вещи (я и сам, как оказалось, тоже не люблю), но обстоятельства складывались так, что, когда он был дома, линейка мне была не нужна, а когда была нужна, то спрашивать было не у кого. И тогда я, предварительно тщательно вымыв руки, чтобы не оставлять следов на белом пластике, ею аккуратненько пользовался.

Мои глубоко скрытые выдающиеся математические способности были тогда ещё абсолютно не проявлены и не давали никаких намеков на их перспективное развитие, иначе папа никогда бы не сделал из логарифмической линейки тайник.

Однажды, классе в четвёртом, когда никого не было дома, я решил что-то посчитать. Со скрипом выдвинул тяжеленный верхний левый ящик огромного письменного стола с обтянутой зелёным сукном столешницей и, встав коленями на стул, заглянул в ящик. У папы в ящике всегда идеальный порядок и много всего интересного – пистолет-зажигалка, фонарик, портмоне с монетами. Логарифмическая линейка лежала на своем месте – на боку у левой стенки. Когда я её достал и раскрыл, то вслед за линейкой из футляра на сукно стола что-то выпало и покатилося. Это была шариковая руч-

ка, да не простая, а с сюрпризом. Видимо, кто-то из знакомых моряков привёз и подарил её папе, а он от греха, то есть от меня, подальше запрятал, как ему казалось, в надежное место. Я поднял ручку и принялся её рассматривать. Внутри ручки стояли две тётечки в чёрных купальниках, это когда они вверх ногами, а если ручку перевернуть, то купальники медленно сползали, исчезали, и все глупости были видны. Одна была блондинка, а другая брюнетка, но и у одной и у другой самые интересные места были одинаково рыжими.

Ясность внёс мой дворовой авторитетный товарищ Шурик, и, кстати, тоже рыжий. Он был на год и девять месяцев старше меня, а отчим его работал парикмахером. Шурик внимательно рассматривал ручку, раз сто переворачивая её туда и обратно, после чего, протерев рукавом рубашки бусинки пота, выступившие испариной на его веснушчатом лбу, он облизнул пересохшие губы и веско заключил:

– Крашенные, на голове точно крашенные.

Как хорошо, что он всё разъяснил. Представляю, каким убежденным идиотом пришёл бы я во взрослую жизнь. После обнаружения тайника пользоваться логарифмической линейкой я стал чаще и с удовольствием.

Авторитетный старший товарищ. 1968 год *А.Сегал (Шурик)*

Когда в институте пришло время логарифмировать, чтобы не смущать папу, я попросил у него 2 рубля и 2 копейки на покупку собственной обыкновенной логарифмической линейки Раменского производства в зелёном коленкоровом футлярике.

В институте без логарифмической линейки, если, конечно, хочешь что-то знать, делать было нечего. Ну как ещё можно без таблиц Брадиса просчитать критерий Нуссельта устойчивого турбулентного режима движения жидкостей внутри труб, если в формуле есть и критерий Рейнольдса, и критерий Прандтля – оба с дробными показателями степени? Ни одна наша дипломная работа без этих расчетов не обходилась. Так сказать, специфика.

В те далекие времена нашего активного перебрасывания бегунка, вытягивания и затягивания средней узкой линейки, шепча под нос что-то про мантиссу, ставя закорючки на краешке листика, рассчитывая порядок цифр и, с точностью до половины деления, получая результат, мы ещё не знали, что буквально через два года после окончания нами института придут, наконец-то, электронные счётные машинки, которые считали всё: и синусы с тангенсами, и показатели степени любой дробности, и логарифмы с любым основанием.

Появись они раньше, и не нужно было бы таскать с собой старую, добрую логарифмическую линейку – символ инженерного мастерства. Потёртую до нечеткости цифр, с разболтанным до невероятной погрешности измерений, постоянно слетающим прозрачным бегунком.

И отпала бы необходимость в длительном и изнурительном преобразовании обеих частей выражения, превращая дробный показатель степени в устойчивый, твёрдо стоящий в одном ряду с другими цифрами, коэффициент. Получать чётким выверенным движением, как завершающий мазок мастера, результат, фиксируя его на шкале, и торжествующе оглашать на всю аудиторию заветные цифры, надеясь, что у кого-то тоже получилось что-то близкое и похожее.

На смену деревянному аналоговому вычислительному чуду пришло чудо электронное. Глядя на мерцающие красным цветом тонкие ниточки цифр счётно-электронной новации, оставалось только одно – достать из футляра логарифмическую линейку, выдвинуть подлиннее среднюю тонкую планочку, прижать пальцем так, чтобы зафиксировать её в максимально выдвинутом положении, поудобнее сесть, прогнуться, засунуть тонким концом за шиворот и задумчиво почесать спину.

На этом глава 2 окончена. Она не имеет никакого отношения к развитию сюжета и никаким образом не отображает глубины комизма и трагизма, описанных далее собы-

тий. Просто вспомнилось и захотелось написать.

3. Заправка сифонов

Близилась премьера игры под названием покер.

Внимание! Анонс! В амплуа гранд-коклет дебютирует никогда ранее не игравшая и, к сожалению, ещё не знающая свою роль, даже не выдавшая в глаза текст пьесы, путающая новые слова и плохо слышащая суфлера, несравненная и нетронутая, комплектная и чистая, хоть гадай, собравшая в себе неповторимое художественное изящество нашего времени, госпожа *La carte poire*, известная очень узкому кругу покерных энтузиастов под псевдонимом Чёрная колода.

До премьеры оставалось несколько дней, но суета не унималась. Чем больше думалось о мелочах и нюансах, которые могут возникнуть, тем больше всплывало вопросов, требующих незамедлительного решения. И самый насущный – чем играть? Понятно, колодой карт, но игра в покер происходит на живые деньги, а рублями много не поиграешь, да и кто захочет. Нужно много мелочи, обыкновенных медных монет. Или, вот ещё, фишки. Помню, в кино меня поразили непроницаемый взгляд игрока, бросающего на ломберный стол фишку одну и очень большую. Выпустив густой сигарный дым, он произносит:

– Повышаю.

Вокруг стола тесно, снято через спины, много дыма, бокалы с вином, потные, алчные и испуганные лица. Или нет, он

сказал: «Повышаю», но этого не слышно. Фильм-то немой, а затем заставка и на ней большими буквами написано – ПОВЫШАЮ и восклицательный знак. И вся эта сцена – безусловное изображение в ясной и доступной форме порока азартной игры.

Так чем играть? Фишек нет. Вариант, при котором жители приискового поселка Сёркл на Аляске, отработав все лето на Лосиной горе и реке Юкон, скрашивали долгую полярную ночь игрой в покер, ведя расчёты самородками и золотым песком, вес которых измерялся в унциях, мной даже не рассматривался.

Самое простое решение – поменять рублей десять на медную мелочь. Затем желающие играть меняют свои крупные деньги на мои мелкие, а после игры, если останется, обратно. План хорош, но если бы я сказал, что пошёл и быстренько разменял, то это было бы неправдой.

Мелкими деньгами в достаточном количестве обладали исключительно кондукторы и продавцы газированной воды. Живо представив забитый людьми раскачивающийся трамвай, и себя, мокрого от духоты и напряжения, прижатого к месту кондуктора, пересчитывающего просыпающиеся сквозь пальцы деньги, я решил – дело надо иметь только с продавцами газированной воды.

В детстве, особенно в жаркие дни, в мои обязанности входила ежедневная зарядка сифонов в будочке возле углового входа в «Военторг» на углу Карла Либкнехта и Ленина.

Газированную воду отпускали через окошко фасада, сифоны заправляли тоже через окошко, но другое, сбоку. Изодня в день выглядело это монотонно и однообразно – вечная очередь, жавшаяся в жалкую тень от маленького козырька будочки, сладкий запах сиропа, обязательно пчёлы, лениво ползающие по металлическим крышкам длинных разноцветных стеклянных с краниками внизу цилиндров. В проеме открытой двери висит длинная, развевающаяся марля с привязанными внизу по углам большими гайками. Сквозняк её надувает, и будка кажется парусником, выброшенным на берег посреди улицы, а за раздутым, колеблющимся парусом то появляются, то исчезают большие баллоны с газом, смахивающие на ракеты этого парусного ракетносца, не сдающего и рвущегося к морю.

Бывало, что время в очереди я коротал, решая одну очень странную задачку: стакан газированной воды без сиропа стоит одну копейку, а заправить сифон стоит шесть копеек. Вопрос – неужели в такой большой сифон входят только шесть стаканов? Заправив сифон, я шёл домой с надеждой провести следственный эксперимент и посчитать, сколько стаканов выпито из сифона, но ничего не получалось. Кроме меня никто не пил по полному стакану, а сколько пили воды после того, как я засыпал, никто, естественно, не докладывал.

В шестом классе, слушая моего костромского дедушку, который любил рассказывать о своих похождениях под обобщающим заголовком «Из жизни коммивояжера», я не ожи-

данно получил ответ на эту задачу в свете оптовой и розничной торговли. На том и успокоился.

Но тут возникла другая задача: стакан газированной воды с сиропом стоил четыре копейки, а заправить сифон с сиропом (недостижимая мечта, блаженство, нирвана, ах, если бы я раньше знал это слово!) стоило сорок шесть копеек. Если четыре копейки умножить (как с чистой водой) на шесть – получаем двадцать четыре копейки, а продают за сорок шесть. Закон оптово-розничной торговли не сработал.

Что касается заправщиков сифонов и разливальщиков газировок с сиропом, то жили они по меркам семидесятых годов не хуже таксистов. По деньгам примерно на одном высоком уровне, но намного лучше по условиям труда – всегда на одном месте и с мокрыми, как бы чистыми и помытыми, руками.

Ведь именно им, скромным продавцам дешёвой питьевой воды, мы обязаны тем, что в обиходе стали использовать слово «развести» в смысле обмануть. Если скажут, что кого-то цыганка развела на червонец, то сразу станет ясно – женщина, брюнетка, восточной внешности, путем обмана завладела десятью рублями честного советского гражданина. А идиоматически грамотный циник поправит: «Развели, как сладкую». Именно в таком виде, имея в виду разбавить сладкую воду и на этом заработать, это выражение вошло в нашу жизнь и стало полноценным синонимом обману, надувательству, подлогу, жульничеству, одурачиванию, обсчиты-

ванию, мошенничеству, обвешиванию, шулерству и облапошиванию.

Заправщик сифонов возле «Военторга» был вечен. Звали его Миля. Я ещё в школу не ходил, а он уже здесь газировал сифоны. Малообщительный – делал вид, что никого не узнаёт, никогда ни с кем не здоровался и не прощался. Молча брал сифон, молча, с чувством превосходства, заправлял его, то увеличивая, то уменьшая подачу газа. Молча кидал сдачу несколькими мелкими монетками, скользящими по мокрому отполированному металлическому прилавку. Копеечки двигались быстро, но никак не отлипали. Под неодобрительный, подгоняющий гул очереди приходилось загонять их к деревянной раме окошка и по одной цеплять короткими обкусанными ногтями, ставить на ребро и быстро собирать в ладошку. Такие погони за мелочью Миля наблюдал с живым интересом и комментировал развлечение, бросая через плечо непонятные слова на идиш в сторону своей напарницы торговавшей водой.

Но сейчас, в конце 1976 года, была зима, боковое окошко закрыто – сифоны никто не газировал, Миля, всё тот же вечный Миля, работал один и, сидя на высоком стуле, отпускал сигареты, конфеты ириски, а для особо страждущих и неплатежеспособных – ледяную газированную воду без сиропа по копейке за стакан.

Как ни странно, он меня узнал, сказал, что я вырос, пошутил: «А где сифон?» и, не задавая лишних вопросов, по-

менял семь рублей из десяти. На сдачу я получил три рубля и кулёк монет по копейке, по две, по три и по пять. Миля их не считал, а взвесил на весах – подбрасывал и подбрасывал деньги на чашу весов, пока раскачивающаяся беспокойным маятником красная стрелка не доползла до семисот граммов и, не успев замереть, резко обрушилась к нулю. Это сифонщик ловко снял с весов чашу с рассыпанной по ней мелочью и ссыпал деньги в кулёк, проговорив на прощанье:

– Можешь не пересчитывать – аптека.

Дома я не поленился и пересчитал. Конечно, меньше. Развели, как сладкую.

Оставшиеся три рубля, безуспешно пройдясь по известным мне точкам, я разменял в такой же будочке на углу Пушкинской и Ярославского, со стороны молзавода, но с точностью до копейки.

Как мне сказал в первый день работы на новой точке по приёму бутылок мой бывший товарищ по детско-юношеской футбольной команде центральный защитник Коля Кот, расплачиваясь со мной по десять копеек за бутылку вместо двенадцати:

– А на ком ещё зарабатывать, как не на своих.

На этом глава 3 окончена. Казалось бы, что и она не имеет никакого отношения к развитию сюжета, но прозвучавшие в терцию тревожные нотки, безусловно, замеченные опытным глазом, настраивают на понимание глубины ко-

мизма и трагизма описанных далее событий.

4. Роль игры в развитии общения, или «Что наша жизнь? Игра»

4.1. Случайно подслушанный монолог любителя карточных игр в следственном изоляторе (начало)

– Оперу я не люблю. Не понимаю и вникать не собираюсь. То ли дело Хендрикс – колбасит что надо. Улёт...

Но одну оперу я всё же смотрел, как Герман в карты про-
дулся. Занятная история со старухой нефартовой. У Герма-
на на руках трока и семёрка, ждёт туза на «очко», а вместо
него на тебе, получи и распишись, дама пик. Герман, конеч-
но, в крик, хреново ему конкретно, стоит такой растерянный
и поёт – *«Что наша жизнь? Игра»*. И так жалостно за грудки
хватается, глаза закатывает, что и сам задумываешься, а что
наша жизнь? Игра?

4.2. Философские мысли

Первая мысль на эту тему возникает глубокая, почти философская. Думается она напряжённо, но конец у неё почти счастливый. Мысль эта о том, что живём мы не в настоящем мире, а в искусственном, как бы в игрушечном. А настоящая жизнь начнётся потом, после летального окончания земного пути. Такой поворот должен, наверное, радовать людей религиозных и верующих. А если это подстава?

Вторая мыслишка попроще. Всё вокруг нас игра – наши чувства, переживания, любовь, страдания, разочарования и сами мы, как футбольный мяч, объект чьей-то забавы. Нами пасуют, нас бьют, голы забивают, в аут отправляют. И так до тех пор, пока не сдуемся. Значит, и жить мы должны легко и беззаботно. А чтобы не было обидно за бесцельно прожитые годы – нужно найти и себе игрушку, свой футбольный мячик, и пинать его до последнего свистка.

Третья версия мне лично наиболее приятна. Смысл её в том, что мы сами по себе, а игры сами по себе, но в какой-то момент наши пути пересекаются.

По большому счёту эта позиция мне ближе остальных. Игры, если вдуматься, всегда сопровождают нашу жизнь. Видимо, изготавливая из подручных средств первого человека, Создатель побеспокоился о защите его нервной системы от перегрузок. Вот и придумал игру, как доступный метод воз-

действия на те части мозга, которые отвечают за его отдых. Как предохранительный клапан – сыграл, сбросил лишнее напряжение и живи дальше.

Если глубже вдуматься в эту мысль, то игра входит в нашу жизнь с первой же пластмассовой игрушкой. Стоит такой себе карапуз на неустойчивых пухлых ножках и мочит со всей детской дури погремушкой по краю кровати, улыбается в два зуба, слюни пускает и счастлив. И мамаша счастлива, устало смотрит на него и не нарадуется – играет малыш. Потом идут куколки, солдатики, машинки, железная дорога. Поумнел – шашки, шахматы, домино, карты, нарды. Тут как тут подвижные игры. Без них нельзя, иначе пропустишь детство, – футбол, баскетбол, волейбол, теннис. Дальше – больше, игра по таланту и интересам. Кто на музыкальных инструментах, а кто на сцене или в кино.

Смотрите, что делается! Везде игра. А что мы любим смотреть по телевизору? Правильно. Футбол, баскетбол, хоккей... КВН – игра? Игра. А «Что? Где? Когда?». То-то... Я не говорю про актёров на экране. Они играют, а мы смотрим и радуемся.

А с кошечкой или собачкой поиграть? Вспомнили?.. Некоторые играют даже с аквариумными рыбками. Дело вкуса.

Живём и сами себе боимся признаться в очевидном. Любим мы игры, живём среди игр и участвуем в играх как можем. Это даже не образ жизни. Это жизненная необходи-

мость.

Человек так устроен, спасибо Создателю, что способен получать от игры не только удовольствие, но и удовлетворение. Далеко ходить не надо. Собрались, например, компанией единомышленников во что-то спокойно поиграть. Допустим, в карты... Чем не игра! Пошлёпали неторопливо по столу листами пусть и не новой, и не пахнувшей типографской краской, и давно уже не хрустящей колодой. Шлёп-шлёп... И узнали, так ненавязчиво, для смеха, кто из нас «дурак», кто «пьяница». У кого на руках «бела с манелой». А кто «флэш-роялем» разжился. Чинно так, благородно. На интерес. Ведь интересно, кто есть кто. Смешно...

А можно совершить ещё совсем небольшое усилие, и это высокое удовольствие от карточной игры легко перейдёт в наслаждение. Да, да. Именно в наслаждение. И делов-то ничего – сыграть по маленькой. Пусть даже в «кинга», но на денежку.

Ах, как всё меняется! Кровь вскипает, за столом эмоции, напряжённость. Вот оно – высшее, истинное блаженство от игры! А что творится в душе, когда растёт стопка с выигрышем у твоего локтя! Экстаз! Счастье!

Увы, бывает, что и не везёт. Уходишь, проигравшись в пух и прах. Но не навсегда. Каждый игрок верит в тот радостный день, когда выпотрошит своих партнёров по ломберному столу, разденет их догола, оставит без копейки и испытает наивысшую сладость долгожданной справедливости. По-

терпевших фиаско, безусловно, жаль, но жалость мимолётная и заслуженная. Так рыбку жалеют, словленную на ужин.

Да, играть можно и нужно. Есть шанс выиграть, есть – проиграть. С кем не бывает.

4.3. Случайно подслушанный монолог любителя карточных игр в следственном изоляторе (окончание)

Хуже другое. Оцените расклад. Приглашаю людей к себе домой. Садимся за стол. Опять же, всё чинно, благородно. Сдаём карты. Серьёзно играем, по-взрослому. Не без интереса – на деньги. Так они решили меня кинуть!

Передёрнули раз, потом второй. Я ж не лох, я всё вижу. Я игру секу. Эй, товарищ! Харэ! Стоять! Руки на стол! Что глаза вылупил? И канделябром его, канделябром. В смысле, по роже, чем под руки подвернулось.

Жаль, так хорошо начиналось – он с пички, я с пички; он в трефу, я в трефу... Жить бы вам ещё, ребятки, и жить. Заигрались... Эх... А мне сидеть.

4.4. Житие и бытие с играми и без

У студентов семидесятых годов сутки делятся на две неравные части – учёба и неучёба. Неучёба, в свою очередь, на сон, еду, проезд в транспорте, решение бытовых или домашних проблем и на свободное время.

Свободное время состоит из того же сна, но короче; той же еды, в смысле перекуса пирожком с мясом и стаканом томатного сока; чтения, как правило, ночного; редкого просмотра телевизора, частого посещения кинотеатров, иногда театров и регулярного общения с друзьями.

Общение с друзьями, как правило, состоит из бесед, трёпа, легкого выпивания с играми или без. Не обязательно пить алкогольные напитки, но им отдаётся предпочтение в качестве тонизирующих и расслабляющих сознание средств. Ну не было у нас времени построить Коммунизм!

Нам твердили – ваше поколение строителей Коммунизма. А когда его строить? И с кем? Все же заняты. И получилось, как у Чебурашки, только наоборот, – мы его не строили, не строили, так и не построили.

Но в светлое будущее мы верили. Представить только, в магазинах всё есть – любая еда и напитки со всего мира, вещи заграничные, а если отечественные, то обязательно со знаком качества. У инженеров достойные и высокие зарплаты. Можешь купить, что хочешь. На высочайшем уровне

образование и медицина и, как обычно, бесплатно. Можно съездить в любую страну – виз не нужно. Или слетать на любую планету.

Последний признак светлого будущего с межпланетными перемещениями отодвигал появление Коммунизма на неопределенно далёкий срок.

Те, кто хотел вкусить светлое будущее сейчас, теперь и сразу, эмигрировали в агонизирующие капиталистические страны. Другие остались здесь в ожидании обещанной идеологами марксизма-ленинизма манны небесной – *от каждого по способностям, каждому по потребностям*.

Общение с друзьями – очень важный компонент молодёжной жизни. По сути, оно являлось не только роскошью и счастьем, но и постоянной потребностью. В некоторых случаях, простите за цинизм, самоцелью.

Собирались, как правило, у кого-то дома. Приносили с собой, разливали понемногу. Затем интеллектуально выпендривались друг перед другом.

Выглядело это примерно так.

Для девушек. Загадочно закатив вверх глаза, немного откинув голову, постукивая многозначительно пальцами одной руки по ручке кресла, а пальцем второй расправляя длинные ресницы и обязательно томно, как бы, между прочим:

– Принесли на ночь почитать нового Хейли...

Или для юношей. Подавшись вперед, заговорщицки по-

водя глазами и понизив голос до шепота, произнести:

– Есть «Улитка на склоне» на фотобумаге, на неделю.

Прочту, дам почитать...

Это было ну очень интеллигентно.

А ещё важно для поддержания разговора – обсудить знакомых. За глаза. Где-то кто-то кого-то с кем-то увидел. Ах, как нехорошо! И убивается целый вечер продуктивно и весело под хруст от перемалывания или, как вариант, от брызг от перемывания, косточек всем тем, кто имел хоть какое отношение к виновникам этого адюльтера.

И не важно, что это могла быть абсолютно случайная встреча чужих друг другу людей, но в ненужное время, в ненужном месте, и, конечно же, с абсолютно неуместными свидетелями. Но, главное, вечеринка удалась. Хорошо посидели...

Ещё «хорошо посидели», если поболтать под одесское шампанское с шоколадом, разломав его на мелкие кусочки и бросив в стакан. Глаз радовался, когда кусочек шоколада сперва утонет, согласно всем законам физики как твердое тело, погруженное в жидкость, а затем, облепленный пузырьками газа медленно всплывает. Поплывает на поверхности, пузырьочки полопаются, газики, так сказать, выйдут, и, снова, раскачиваясь из стороны в сторону, спланирует на дно стакана (реже бокала), чтобы, облепленным новой порцией пузырьков, всплыть, и в окружении остро стреляющих миниатюрных фейерверков газированного шампанского услуж-

ливо подставиться под алчущие губы. И тогда, прихватив зубам, шоколадку нужно втянуть в рот вместе с шампанским и многозначительно разжевать, показывая всем своим видом, как это вкусно, и проглотить, остро чувствуя, как в нос изнутри ударяют всё еще активные представители этой любимой всеми газированной продукции.

Да, шампанское – это праздник. А в будни – что Бог дал. Шипучка белая или красная, сухие вина «Алиготе» и «Ркацителли» по семьдесят семь копеек за пол-литровую бутылку. Как варианты, смесь сухих вин с «Червоним міцним» («Красным крепким» назвать – язык не поворачивался) в пропорции 2:1 – вкусно, но небезопасно.

Или те же сухие вина, но с лимонным ликером. В зависимости от концентрации и количества выпитого смесь из разряда «вкусненько, дай еще» резко переводила её потребителя в область неудержимого веселья, эйфории, иногда и скандала. Перебор коктейля оканчивался, как правило, пристальным рассматриванием устройства унитаза в зоне турбулентного истечения потоков воды.

И всё-таки, игры. Они были необходимы. Во-первых, детство фактически еще не кончилось, а только растянулось в новом качестве за счет студенческих лет, а во-вторых, игры поглощали время, создавая иллюзию счастья человеческого общения, доведённого до перманентного.

Немного позже появилась «Монополия», а тогда играли в «Шеш-беш», «Клабр» и «Кинг» на интерес, иногда в префе-

ранс по копеечке вист, пожалуй, и всё. И вот:

– Внимание, внимание! Предлагаю новую игру – покер.

Я положил на стол свежую, звенящую колоду и с ревностным трепетом наблюдал, как друзья-товарищи бережно перебирают новые чёрные карты, рассматривая необычные нарисованные лица. Кто-то даже их понюхал.

Рассказал правила, показал комбинации, а для наглядности записал их на листке бумаги и положил его на видное место. Затем раздал мелочь, рассказал про торговлю, обмен, блеф и приступили к игре.

Несмотря на то, что игра была пробная, копеечки-то были возвратные и, как бы, играли на интерес, азарт и понимание проявились сразу.

На этом воодушевление кончилась. Выяснилось, что правила, придуманные мною, далеки от совершенства.

Постоянно всплывали спорные ситуации, которые урегулировались по ходу их возникновения, а итоги узаконивались на месте. Придумывая игру, я упустил кучу важных нюансов. Говоря словами Фёдора Михайловича – *общие принципы только в головах, а в жизни одни только частные случаи.*

В конце концов, игра состоялась. Удалось, наконец, окончательно разработать и опробовать правила, отдаленно, по первичным признакам, напоминающие игру в покер.

Дар убеждения, энтузиазм и логика сделали своё благородное дело – наша компания получила ещё одну точку со-

прикосновения в виде нового азартного, доступного и психологически умного развлечения.

К тому времени я шестнадцать лет прожил в квартире на Пушкинской, которая уже 32 года принадлежала моей бабушке. Предыдущий жилец во время войны уехал в эвакуацию и оттуда не вернулся. Умер в Свердловске вскоре после освобождения Одессы. Однажды, стоя на Сабанеевом мосту, он, глядя на новую, только что выстроенную музыкальную школу, произнес свою знаменитую фразу: «*Школа имени мене*».

Видимо, стены или уходящая аура гения, витающая в нашей квартире, подвигли меня на этот творческий труд по воссозданию из ничего новой игры. Выдающейся своей заслугой, чтобы назвать её своим именем, я не почувствовал. Было только чувство гордости и усталость от созидательного подвига.

Игра прижилась. Играли по мере желания и наличия людей. Было весело, особенно когда качели фортуны периодически, в хаотичном порядке, подкидывали выигрышные комбинации. Было всё – и непроницаемые лица с прижатыми к груди картами, и блеф, который почему-то всех очень смешил, и незамысловатые, но срабатывающие уловки, вводящие соперника в заблуждение.

Не успев наиграться всласть, игру пришлось прекратить. Пришло время преддипломной практики.

Кому куда, а мне в Харьков.

На этом глава 4 окончена. И повествовательная часть, обязательная и необходимая для понимания глубины комизма и трагизма описанных далее событий, переехала из Одессы в Харьков.

Происходившее в поезде я умышленно пропускаю – серо, однообразно, монотонно, короче говоря, не помню.

5. Волшебное слово

Можно было остаться и в Одессе, в лаборатории криомедицины, но имелось, по крайней мере, одно немаловажное обстоятельство и три фактора, заставившие меня выбрать для преддипломной практики Харьков.

Начну с обстоятельства. Дипломная работа по своему объёму выходила за общепринятые габариты, и для одного студента тема была слишком обширна и громоздка. Было принято решение эту тему поручить двум студентам – Болту и мне. Болт – это мой товарищ, а не крепёжное изделие с резьбой на конце, – башковитый, толковый и далеко не глупый мальчик с острым умом и ярко выраженными задатками будущего расчётчика-теоретика с мотивированными претензиями на эрудицию и обширные знания. Единственное, что не вдохновляло его в инженерном труде – рутинная черчения. На том мы и сошлись в своих интересах. Болт берёт на себя всю расчётную часть, а я чертёжную. Как выяснилось, у меня получалось быстрее и чище чертить тушью, а не карандашом. Пригодился опыт выпуска классной стенгазеты и многодневные наблюдения за работой небезразличной сердцу чертёжницы-копировальщицы. К своей части я намеревался приступить где-то в марте, за три месяца до защиты, а вот Болту нужно было приниматься за расчёты незамедлительно. Кроме расчётов на нём висели идеологически

выдержанное вступление и проработка экономической части. Остальные трудности были его личной инициативой. Не знаю зачем, но он как выпускник англо-украинской школы собирался защищать диплом на английском языке. Вопрос – от кого? Собственно говоря, на нас никто не нападал. Исходя из предстоящего двуязычного доклада, я готовился после его триумфального выступления по-английски повторить всё слово в слово по-русски. Естественно, обречённо виделось мне, что и на вопросы придется отвечать за двоих по-русски, особенно на те, которые ему не зададут по-английски.

Именно то немаловажное обстоятельство, что мы будем вдвоём защищать одну тему диплома, и мой выход на арену подготовки не наступит раньше торжественного момента, когда Болт закончит все расчёты, и породило первый фактор, подтолкнувший меня поехать в Харьков. Я искренне надеялся дополнительными материалами, которыми обладает Харьковский институт проблем криобиологии и криомедицины, насытить и оживить нашу с Болтом, как мне казалось, пресноватую и мало эмоциональную дипломную работу. Я реально не представлял, что можно ожидать от этого института и насколько он будет полезен, но нужно было самому поехать, убедиться, почерпнуть самое интересное и при возможности добавить в нашу работу, так сказать, обогатить её передовыми тенденциями.

Дипломники. 1977 год. *А.Шишов, Н.Ортенберг (Болт)*

Во-вторых, не так далеко от Харькова, но ближе чем от Одессы, в Лозовой, служил мой друг Митя, которого я не видел уже полтора года. Мне даже важнее было повидаться с Митей, чем собирать материалы для диплома. Но одно, в данном случае, только дополняло другое.

В-третьих, в Харькове я никогда раньше не был. Мне было интересно посмотреть на первую столицу УССР, тем более что проезд и проживание оплачивались институтом.

И ещё, при слове Харьков я всегда вспоминал стишок, рассказанный самым настоящим второгодником Келой, временно учившимся в нашем классе:

*Я поеду в Харьков – там хлеб растёт буханками,
Там рубль за деньги не считают. Дай пять копеек.*

Нас прибыло на харьковский вокзал девять человек дипломников – хмурых, невыспавшихся и недовольных ранним прибытием поезда. Приём незнакомым городом, под стать нашему настроению, оказался многовекторно скверным. Погода отвратительная – холод собачий, низкие серые тучи, пронизывающий ветер, грязный снег под ногами. Архитектура – громоздкая, давящая, серая. Люди – другие, не улыбочивые и недружелюбные.

Кроме дорожных сумок, чемоданов и лёгкого, почти неуловимого перегара, у нас было одно общее направление

на поселение в дружественный нам, как предупредил перед отъездом проректор Ханцис, институт. Его название, как и все аббревиатуры харьковских учреждений, ничего, кроме здорового детского смеха, не вызывало – ХИРЭ.

«Нужного» человека на месте не было, зато был «ненужный». Никакого письма о нашем приезде и поселении он не читал, с «нужным» человеком связи не имеет и предложил, чтобы не топтались по чистому паркету, прийти завтра:

– Может быть, к обеду они уже придут или позвонят, – объяснил он нам канцелярским языком, подразумевая под словом «они» злополучного «нужного» местного деятеля, и снова уткнулся в свои бумажки.

На вопрос, а где же нам ночевать, ответил просто и незамысловато:

– Не знаю, дверь закройте.

Кому дверь закройте? Нам дверь закройте? Нам, пятикурсникам, сдавшим уже все зачеты и экзамены, отыгравшим в самодеятельности все роли и построившим в стройотрядах всё, что строится. Выигравшим все возможные и невозможные кубки на спортивных соревнованиях, прошедшим трехмесячную производственную практику в Москве и военные сборы в Севастополе. И нам – закройте дверь. Нет, нас так просто не взять.

Первым из оцепенения от бюрократического хамства вышел Шура. Подойдя к столу, он медленно опустил вытянутую руку, накрыв мощной ладонью бумажку, которую

«ненужный» деловито заполнял и, подавшись вперед всей массой своего борцовского тела так, что через рукав толстой стеганой меховой куртки явственно проступил трицепс, пристально взглянул на того сверху вниз и спросил тихим, доверительным голосом:

– Товарищ, а где тут у вас... партком?

Через минуту «ненужный» стал нужным и родным. Он дозвонился до своего главного, тот до Ханциса в Одессу. Затем он уже лично разговаривал с Ханцисом, теребя провод, и при этом подозрительно глупо улыбался, сосредоточенно глядя на телефонный диск. Видимо, думал, что Ханцис на него оттуда смотрит и улыбается ему в ответ. Затем он обзвонил несколько общежитий, где ему категорически отказывали, а он настаивал и убеждал, говоря каждому из них, что мы очень ценные кадры из дружеского института. Намекал на что-то, но так вяло, что мы и сами не поняли, что он имел в виду. В последнем телефонном звонке он всё-таки решил использовать припрятанное тайное оружие из личного фонда. Понизив голос до шёпота, который мог разбудить и спящего глухонемого, он раскрыл коменданту военную тайну. Он уже не намекал, как предыдущим оппонентам, а говорил прямым текстом – летом в Одессе, в общежитии на Тенистой, а это прямо в Аркадии у моря, их, то есть представителей харьковского института, с нетерпением ждут. Со студентами. А можно и без студентов. Тоже примут. Даже с членами семьи, но не более четырёх человек. Но и такой

веский аргумент не позволил слёту уложить упёртого коменданта на лопатки. Тот, видимо, торговался до последнего. В конце концов, уговорил-таки под свое честное слово, упирая на то, что все мы члены партии и комсомольский актив.

– Да, согласовано... Со всеми инстанциями, – последней фразой он закрепил свою победу и, не дожидаясь возражений, резко положил трубку.

После чего с явным облегчением, налив из графина полный стакан воды и с нескрываемым удовольствием осушив его до дна, выписал нам направление на проживание в общежитие.

Выйдя на улицу и обсудив ситуацию, мы решили, что расслабляться не нужно, кругом враги, страдающие патологической бессонницей. То есть враг не спит, но победа с возможностью принять горизонтальное положение в тепле, а не на вокзале, будет за нами.

Придя в общежитие, мы почувствовали, что вектор дружелюбия своего направления не изменил, зато качество хамства резко повысилось. Ситуация была вроде бы такая же, но наоборот. Бедный комендант, который согласился нас принять, должен был нас расселить за счет уплотнения аспирантов. Он придумал поставить кровати для нас в их бытовке, состоящей из двух смежных комнат, где вдоль стен на кафельном полу стояли буфеты и тумбочки, а посередине столы, явно из столовки, и стулья на тонких, расходящихся книзу, металлических ножках.

Аспиранты откровенно выли. Им, видите ли, нужно творить, их нельзя отвлекать, им, как оказалось, будет неудобно кушать, так как они имеют право делать это в любое время суток. А самое главное, что из буфетов может пропасть их содержимое – поселили тут каких-то сомнительных... Да ещё и из «Одэсы». И вообще, будут жаловаться в партком. Но комендант оказался кремень, выслушав их первую волну негодования, он ответил им строго и немногословно, подняв указательный палец вверх:

– Распоряжение парткома.

И тут мы поняли, что партком здесь, в этом институте, а может, и во всем Харькове – это волшебное слово. Как «сим-сим» у Али-бабы. Потому-то номер, который провернул Шура у «ненужного» человека в ХИРЭ, и прошёл на ура.

Аспиранты стушевались, согласились с комендантом, поникли, но не сдались. Возникла глубокая взаимная нелюбовь с первого взгляда. Они нас возненавидели.

Мы же, посмеиваясь над их праведным гневом и игнорируя угрозы во всём разобраться, занесли на их «законную» территорию кровати, матрасы, постельное бельё и одеяла, принципиально оставив себе два шатких стола и несколько не менее устойчивых стульев.

По мере того, как мы исключительно своим присутствием усложняли их жизнь, они нарочито обижались и всё больше и больше возмущались, ведя с переменным успехом борьбу за свое пребывание в этой пресловутой бытовке.

Прошло несколько первых дней привыкания. Разобрались – Харьков нам понравился. Разбились по интересам: Миха с группой товарищей катался по вечерам на коньках, Юра по прозвищу Профессор систематизировал записи для диплома, Серёня что-то всё время хотел починить и усовершенствовать. Кто-то налегал на кино, самые малочисленные на вино, а некоторые подумывали про театры и прочие концертные радости.

В харьковском общежитии. 1976 год. А.Токаев (Шура), В. Муоров (Мурчик), Ю.Любецкий (Профессор)

Единство интересов наступило тогда, когда в галантерейном магазине напротив общежития я купил колоду карт. Нет, не сувенирную, не чёрную, но покерную – пятьдесят четыре листа. Это была отправная точка нашего нового существования.

Шура, не путать с Шуриком, из главы 2, еще в Одессе был обучен игре в покер, и мы быстренько, в четыре руки, написали все комбинации на бумажке, наменяли мелочь, рассказали и на личном примере показали, как это всё происходит. И пошла игра. Играли по вечерам, серьезно, вдумчиво – спешить некуда, ставки самые что ни есть минимальные. Втянули всех. Не было никого, кто бы хоть раз не сыграл с нами в покер, игру новую, психологическую и не сильно материально обременительную. Даже Профессор приобрелся, но ненадолго и, уйдя в пас после неудачного собирания «стрита», сказал:

– Мне что-то в картах не везет, пойду-ка я лучше журнальчик почитаю.

На этом этапе весь интерес игры в покер для нас заключался в том, чтобы стать очевидцем, а еще лучше соучастником того, как хаотично перемешанные, неоднократно подрезаемые, поочередно сдаваемые, в пас уходящие, по столу шлёпающие, к груди прижимаемые, падающие на пол и в произвольном порядке собираемые, постоянно тасуемые, местами засаленные и слегка потрёпанные карты, под-

чиняясь только своим неведомым вероятностным законам неопределенной случайности, на глазах превратилась бы в комбинации высочайшего покерного достоинства – «каре», «флэш-рояль» и «покер». Но, увы и ах, таких раскладов у нас не было. Не складывались.

На этом глава 5 окончена. Уже появились слабые признаки завязки, которые так необходимы для развития сюжета и понимания глубины комизма и трагизма описанных далее событий.

6. Стратегия и тактика

Как-то в разгар нашей бесперспективной, но веселой погони за секретами карточных вероятностей, конечно же, без стука вошли два аспиранта, чтобы, открыв своими ключами буфеты, вытащить очередную банку варенья и, как мы зло-радно шутили, «*да целую корзину печенья*». Вошли, взяли свое добро и не уходят. Стоят, смотрят, о чём-то между собой переговариваются и хихикают, противно так, в кулачок. Манюня, достаточно высокий парень, чтобы, сидя на стуле, его глаза были в аккурат на уровне глаз стоящих рядом аспирантов, им и говорит:

– В ногах правды нет, присаживайтесь. В покер играете?

Покер он произнес так, что если бы они ответили отрицательно, то это звучало примерно так:

– Дяденьки, звиняйте, мы не местные, живем тут в общежитии, а у нас в селе (деревне, колхозе, совхозе, ауле, юрте) такого нема.

Но прозвучавший их ответ оказался вполне достойным. Сказали, что слышали о покере много и давно собирались научиться в него играть.

Почуяв свежую кровь, мы тут же усадили их за стол, рассказали, показали, выдали с возвратом мелкие деньги и подключили к игре. Сперва они, конечно, путались, но потом разобрались, аспиранты как-никак. Первые их ходы мы

как кураторы проверяли, рекомендовали правильный обмен, подсказывали, когда нужно вовремя уйти в пас, а когда блефовать, советовали, как нужно себя вести в той или иной ситуации. У них даже собрался «колор» в пике, а несколько раз подряд «стрит», что вообще уверило их в их же гениальности. Время пролетело быстро, через два часа они спохватились, засуетились, добросовестно вернули нам всю мелочь, забрали банки с вареньем и, пообещав завтра вечером прийти поиграть, вылетели из комнаты.

Закрыв за ними плотно дверь, мы провели военный совет – обсудили стратегию и тактику завтрашнего поединка. Для игры решили выставить основной состав – Шуру, Манюню и меня. Шура – опыт, Манюня – непроницаемое лицо, я – ну, а как без меня... Назначили группу поддержки, она же группа разведки и прикрытия: Мурчика, Профессора и Мишу. Тут тоже свои нюансы. Мурчик с повадками флегмата и математическим складом ума непревзойдённо подглядывал и в наши, и в чужие карты. Профессор – с видом растерянного интеллигента и патологического отличника контролировал правильность обмена, сдачи и торговли, естественно, с поправкой на наш интерес. Миша – отвлекающие разговоры, поток шуток и, к сожалению, фонтан старых анекдотов. Но старых для нас, а для соперников смешных, взрывных и отвлекающих от игры.

Подглядывание у нас не запрещалось, даже наоборот – поощрялось. Зрелищность игры с закрытыми картами нулевая,

а интерес как раз и подогревался за счет информированности зрителей и ушедших в пас игроков. Ждать развязки – мучительно скучно, а так демократично и весело.

Так вот, группа поддержки, зная комбинации на руках у всех игроков, своих и чужих, должна была корректировать наши действия. Взял кто-то из них в руку пачку сигарет – играй дальше, повышай ставки, а взял коробку спичек, наоборот, – пасуй. Незамысловато и просто.

На следующий день, часов в пять, когда каждый был занят своим важным делом – кто-то, лёжа на кровати, читал, а кто-то писал за шатким столовским, на тонких ножках столиком с квадратной мерзко-синей пластиковой исцарапанной столешницей – в комнату, опять-таки без стука, вошли вчерашние аспиранты. На этот раз, надо отдать им должное, поздоровались. Мы не проявили никакой активности, что было частью нашего плана, и продолжали изображать повышенную занятость. Они потоптались и ушли. Через час ситуация повторилась, а ещё через полчаса они не выдержали и спросили:

– Ну что, пацаны, играть будем?

Оторвавшись от своих книг, журналов и просто бумаг с буквами, мы как бы нехотя, но в соответствии с четко разработанным планом, принялись рассаживаться. Если быть точнее, места нами, игроками, были уже заняты – мы на них писали и читали. Оставшиеся свободные, через один, были оставлены специально для гостей – одно место на стуле, а

другое на кровати, конструкция которой постоянно заставляла сидящего скользить под стол и больше думать о балансе, чем о картах. Между аспирантами, опять же как бы случайно, оказался Манюня, который своим выдающимся телосложением был естественной помехой для их общения и мог легко со своего места контролировать и пресекать их переглядывания и подсказки.

Харьковские аспиранты нас так и не полюбили. Не скрою, отношения наши, всё-таки, изменились. Взаимная антипатия из ситуационной и спонтанной переросла в стойкую и непреходящую.

Этого ни мы, ни они не скрывали. Подлости с их стороны не прекращались, начиная с первой нашей встречи. То среди ночи приходят, включают свет и роются в своих буфетах, гремя склянками и хлопая дверцами. То, придя с практики, а дверь у нас не запиралась, мы обнаруживали, что все кровати сдвинуты, матрасы перевернуты. Создавалась видимость, что у них что-то пропало, и они добросовестно искали. На все наши претензии ответ один:

– Не нравится – не живите.

И лейтмотивом, который придавал их лицам ожесточенное вдохновение, была крылатая фраза:

– Партком во всем разберется.

Не любили мы их. Они для нас являлись какой-то обезличенной злобной массой. Вот мы и собирались отомстить их представителям доступными нам средствами, можно да-

же сказать, с их добровольного согласия.

Группа поддержки, как рояль в кустах, тоже была на местах – игра началась. Начали скромно, по маленькой, не зарывались, не рисковали, не блефовали. Тайные помощники прекрасно справлялись со своими обязанностями и постоянно семафорили. Вовремя предупреждали об опасности коробком спичек и рьяно поддерживали повышение ставок пачкой сигарет. Но когда кто-то из наших шёл на увеличение банка, твёрдо уверенный в выигрышности своей комбинации, аспиранты пасовали, и всё начиналось сначала.

Играть было скучно, безнадежность ситуации нашёптывала, что зря тратим время. Не проучим мы их и не заработаем, хотя эти два компонента в данной ситуации состояли в одновалентной связи. Варианты – нас накажут, мы проиграемся и разоримся – согласно тактической и стратегической доктрине, разработанной на военном совете, даже не рассматривались.

Все продолжалось так же нудно, пока один из аспирантов, сделав три замены карт и, видимо, собрав приличную комбинацию, не положил в банк сразу рубль. Для начала очень много.

«Да... Опыт нулевой, – подумал я, – у него на руках комбинация, а он торопится об этом заявить».

Я мог и не смотреть на группу поддержки – достаточно бросить беглый взгляд на Мурчика. Он уже успел посмотреть в мои карты (а как он гениально подглядывает в другие,

я так ни разу и не заметил) и крутит в руке коробок спичек, подтверждая мою догадку. Нужно пасовать.

Я для вида задумался. Мурчик принял мою уловку за сомнение и решил расширить поток информации. Громко кашлянул, привлекая моё внимание, сел поудобней с маской отрешённости и безразличия, поёрзал для приличия на стуле и вроде как притих. Но нет. В руках у него оказалось уже два коробка спичек, которыми он ритмично, будто маракасами, принялся отбивать тревожные ритмы аргентинского танго.

Шура и Манюня ушли в пас, я остался один на один – нужно было принимать решение.

«Положить рубль и вскрыться бессмысленно, я его сразу же и проиграю. Проще всего бросить карты и пасовать... А может блефануть?»

У меня на руках «тройка» в дамах и две маленьких червы, причем дама тоже червовая, итого три червы, но это не пять, это ничего – чистый проигрыш. Судя по двум коробкам спичек у Мурчика в руках, у аспиранта не меньше чем «стрит», шансов выиграть, уравнив ставки, нет. Только блеф. А если он упрётся? Попробую поднять его до десяти рублей, чтобы испугался. А если не испугается?»

Поколебавшись ещё немного, секунды две-три, я положил в банк три рубля. Ритм аргентинского танго зазвучал ещё громче, амплитуда движения рук Мурчика с коробками спичек достигла небезопасной для окружающих нервной пульсации. Мурчик знал и мои кары, и аспиранта. Излишек ин-

формации его будоражил.

Аспирант, видимо, обалдевший от того, что у него есть комбинация и может выиграть, тут же торопливо положил в банк свою трёшку, тем самым предлагая вскрыть карты и подтвердить свою победу. Я положил синенькую пятерку.

В комнате наступила тишина. Аспирант думал. Манюня, внимательно глядя на меня, неторопливо перетасовывал оставшиеся без игры карты. Практически одновременно поднялись из-за стола не участвующие в игре Шура и второй аспирант. Обойдя стол, аспирант долго смотрел в карты своего товарища, потом они начали шептаться, поглядывая в мою сторону. Я сидел сфинксом, стараясь не проявить никаких эмоций. В это время Шура, потягиваясь и похрустывая суставами, прошел мимо Мурчика. Как бы в порядке проведения разминочной зарядки он наклонился на долю секунды так, что его ухо пролетело возле Мурчика лица, и по шевелению Мурчика губ я понял, что тот Шуре что-то сказал. Что-то короткое, но очень ёмкое. Например, «без двух червей колор» или «без дамы каре». Затем таким же вальяжным шагом, ещё раз потянувшись и издав львиный рык, Шура уселся на свое место. Аспирантский совет в Филях окончился передачей игроку двух бумажек по пять рублей, одну из которых он тут же положил на стол.

Ситуация прояснилась, у них осталось ещё пять рублей, и если я положу десятку – они сдуются. Во внутреннем кармане у меня хранились деньги на дорогу домой, их трогать

нельзя, но не сейчас – до мелкой дрожи внутри живота чувствовал, что выигрыш близко. Я отсчитал из заначки десять рублей, и они красным цветом победы накрыли всю жёлто-сине-зеленую кучку лежащих на столе денег.

Аспиранты начали нервничать, советоваться и выяснять у нас:

– До какого предела можно повышать ставки?

И тут же получили язвительное разъяснение:

– О лимите ставок договариваются перед игрой.

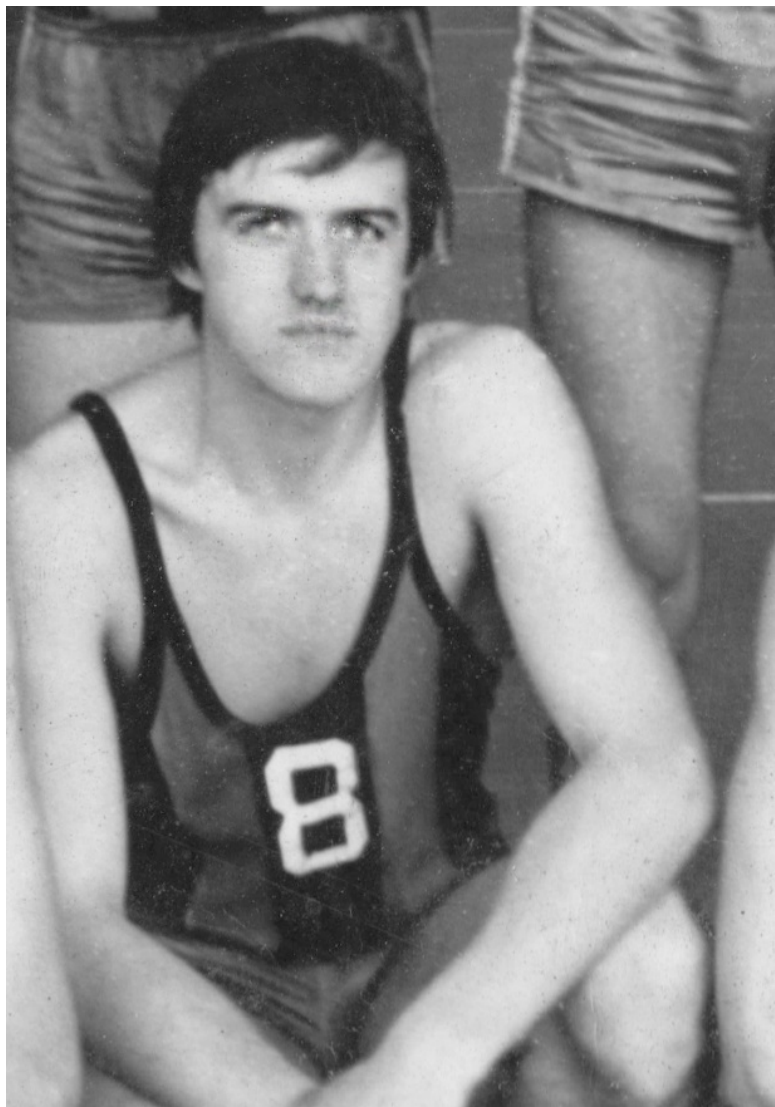
Пока они, суетливо шаря по карманам, совещались, Шура отобрал у Манюни колоду, которую тот меланхолично перетасовывал, и занялся внимательным просматриванием оставшихся карт. Смотрел, перекладывал местами, хмыкал. Затем резко собрал их всех вместе и передал Манюне, что-то сказав на ухо. Будучи в состоянии сфинкса, тем не менее, я видел все эти манипуляции, не теряя из вида аспирантов, которые продолжали шарить по своим карманам. В карманах ничего не нашли. Свободный от игры аспирант минут на пять исчез и довольный собой вернулся в десяткой в руке. Присмотревшись, я увидел, что она у него не одна.

«Кошмар... – пронеслось у меня в голове, – приплыли...»

Пока помощник моего соперника радостно усаживался, я почувствовал, как кто-то тронул меня за колено. Я не шевельнулся, а только скосил глаза вправо, там сидел Шура, одной рукой он скреб свой небритый подбородок, вторая спокойно лежала на столе. Слева, рядом со мной, сидел играю-

щий аспирант, двумя руками прижимающий сложенные карты «к орденам». Напротив меня Манюня и второй аспирант. Манюня сидел, откинувшись на стуле, с невинным взглядом мечтательных ярко-зелёных глаз, устремленных в дальний верхний угол комнаты. Одной рукой он подпирал голову, которая в пастельной меланхолии склонилась на бок, а вторая рука, как плеть безвольно свисала вниз.

Я пересчитал группу поддержки. Все были на своих местах, тогда кто под столом?

Центровой. 1976 год. *С.Коцюба (Манюня)*

Ещё раз кто-то тронул меня за колено. Задумчиво, в состоянии немигающей египетской древности, откинувшись назад и немного съехав вниз, я скосил глаза под стол и увидел руку с зажатыми двумя картами, которая продолжала настойчиво постукивать меня по колену. Окинув ещё раз всех взглядом, и убедившись, что там, под столом, никого не может быть, я решил, что это рука Бога. Ошибся. Не Бога, но тоже на букву «Б». Рука баскетболиста. Это Манюня. Он всего лишь опустил вниз и согнул в локте свою ручку, которая была абсолютно пропорциональна его баскетбольному росту в два метра и один сантиметр, а стандартная столовая столешница надёжно скрыла изумительный изгиб его конечности. Верхняя часть айсберга была безупречна. Я даже залюбовался его неподвижной безмятежностью с задумчивой, блуждающей улыбкой и монументальной отрешённостью позы, подчеркивающей покой и полную отстранённость от происходящего. И одновременно восхитился активности, находчивости и безупречной точности движений, происходящих ниже уровня столешницы.

Я опустил руки со своими картами вниз, не совсем под стол, но так, чтобы их не было видно противникам. Веером карт прихватил подачу снизу, собрал их все вместе, затем опять открыл и посмотрел.

На руках было пять черв и две, теперь уже лишних, дамы.

Вложив лишних дам в требовательные пальцы Манюни, я продолжал сидеть, зажав неожиданно возникший на руках «колор».

Аспиранты решили продолжать игру и положили в банк десять рублей, столько же, сколько и я. Опять же предложение вскрыться. Я задумался. То, что я выиграю, я в этом уже не сомневался. То, что у них есть деньги, а я видел, и они будут лезть дальше – в этом я тоже не сомневался. Но я был уверен, что после абсолютного проигрыша они уже никогда не придут, и у нас уже не будет такого интереса, как сегодня. А с длинными руками Манюни, острым глазом Мурчика и незатейливостью Шуры мы сможем выиграть у них и то, что сегодня осталось не проигранным, и плюс то, что принесут с собой в следующий раз.

В тот момент я их не пожалел, нет. Это был меркантильный интерес, и я согласился на вскрытие карт.

Как и ожидалось, у них был «стрит» даже от туза, а у меня скромный «колор» в черве. Оглушительный крик наших болельщиков взорвал тишину аспирантского отсека общежития. Ликующие студенты так и не заметили самое интересное, произошедшее под столом, но были страшно рады победе, которая, как и добыча, были общими.

На этом глава 6 окончена. Завязка начинает завязываться в тугой узел. Наступает понимание глубины и неотвраща-

тимости трагизма и комизма описываемых событий.

7. Сговор

К тому времени, когда мы прожили целую неделю в Харькове, наше отношение к городу окончательно изменилось к лучшему. Морозы немного спали, градусов до десяти, и мы с удовольствием шатались по центру. Разобрались и приняли красоту гранитных цоколей массивных сталинских построек; разновысотных, забавно соединяющихся между собой, кубиков начала века в глубине главной площади; почувствовали и разделили любовь местных жителей к их главной улице Сумской – харьковской Дерibasовской, круто соединяющей верхнюю и нижнюю части центра города.

Именно там, поднявшись вверх по правой стороне Сумской, пройдя мимо скверика напротив театра, в большом доме, который, казалось, заблудился и отстал от братьев-близнецов с Кутузовского проспекта Москвы, за огромными витринами было то место, которое мы старались посещать каждый день.

Бывало, утром проснешься в общежитии ХИРЭ под тонким полушерстяным одеялом поверх застиранной простыни, в комнате холодно, от кафельного пола тянет, за окнами сереет промозглый новый день, впереди холодная вода в умывальнике, дорога с бесконечными пересадками в научный институт, где так и не возникло взаимопонимание. Лежишь и думаешь, что же сегодня порадует? Ну, хоть что-то будет

хорошее? И тут перед глазами возникает тот самый светлый дом, куда мы сегодня обязательно все пойдём. Чувствуешь его обволакивающее тепло и доброжелательный уют. Реально осязаешь, как прикладываешь усилие и тянешь на себя массивную дверь за отполированную до блеска ручку с бронзовыми шишечками на концах, и как, поддавшись, она пропускает тебя внутрь.

Там приветливо светит неяркий, рассеянный свет от множества бронзовых, строго чередующихся, круглых и восьмигранных люстр, подвешенных на цепях к высоченному потолку. На одних люстрах плафоны направлены вниз, освещая яркими островками света пол и мебель, на других вверх, рисуя на потолке тусклые световые разводы.

И запах. Этот особенный запах, присущий только этому месту, неповторимый жизнеутверждающий запах, который перепутать с другим, а тем более забыть, невозможно. В конце двадцатого века, ещё до перестройки, приехав в командировку в Харьков, я нашёл этот дом и долго стоял возле него, не решаясь войти. Через большие окна рассматривал всё те же бронзовые, но сильно потемневшие люстры, мягкий свет которых падал на асфальт и освещал скучный потрескавшийся тротуар. Завораживала всё та же высоченная двустворчатая дверь, с теми же бронзовыми шишечками на ручке. Решившись войти, я придержал дверь и пропустил выходящих на улицу довольных и разгоряченных мужчин. Меня обдало плотное облако тёплого вкусного воздуха. Мои

ноги чуть не подкосились от забытого и так желанного аромата запаха этого дома. Какую радость я испытал! Вместе с этим запахом нахлынула волна воспоминаний, возникли забытые ощущения, запахло повеяло молодостью и беззаботным студенчеством.

На волне ностальгического счастья я уверенно вошёл в этот дом, чтобы ещё и ещё раз испытать блаженство.

Намного позже, в двадцать первом веке, на стыке первого и второго десятилетий, приехав в Харьков, я этот дом так и не нашёл или не узнал. Я специально пришёл к этому месту. Внимательно рассматривал улицу, фасад дома, но так и не заметил ни одной двери – входа не было. Мимолётно показалось, что я почувствовал знакомый неповторимый запах. Ошибся. Ложное обоняние – стены не пахнут. Не узнал. Или дома перепутал.

И вот, лёжа под казенным общежитиевским одеялом, вспомнив про грядущий поход в это замечательное место, окончательно просыпаешься, и ни холодная вода в кране, ни мороз на улице, ни множественные пересадки и тяготы общественного транспорта, ни безразличие местного руководителя практикой, ни очередные происки агонизирующих аспирантов, ничего уже не могло испортить настроение. Душа пела. Она пела на разные мотивы, но слова всегда были одни и те же – *харьків'янка, харьків'янка, харьків'яночка* (укр.).

Ведь этот дом, а в Советском Союзе таких домов я больше

не встречал, этот дом был уникальным и высокоорганизованным местом, куда мы приходили под вечер, утомленные суетой прошедшего дня, уставшие, голодные, продрогшие.

Приходили отрешиться от всех забот и проблем, получить так необходимый запас бодрости и весомую поддержку нашим молодым развивающимся организмам, повысить стойкость иммунной системы и предел прочности нервных клеток.

Мы приходили туда вкусно покушать. А вы о чём подумали?

Бросали пятнадцать копеек в специальный автомат, получали чашку настоящего бульона и неторопливо, обступив высокий круглый мраморный столик, мелкими глотками и с нескрываемым удовольствием выпивали дымящийся золотистый напиток, закусывая слоёными с рубленным мясом пирожками. Какое это было блаженство... И называлось это заведение «Харків'янка», в кавычках и с заглавной буквы.

Это и было то самое место, где мы с огромным удовольствием щедро материализовали нашу последнюю добычу, выигрыш в покер, преобразив мелочь и бумажные рубли в большие тарелки с горками тёплых, хрустящих, пахнущих жареным луком и настоящим мясом, маленьких слоёных пирожков и чашки обжигающего бульона, беспрерывно наполняемые щедрыми автоматами. Мы были счастливы. Шутили, ещё и ещё раз пересказывали друг другу, размахивая надкусанными пирожками, перипетии столь удачной последней

партии, смеялись и вспоминали посрамлённых аспирантов.

Там же за столиком, стремительно искоренив спазм голода первой полудюжиной пирожков с бульоном, вдохновлённые достигнутым питательным результатом и отчётливо понимая, что всё это напрямую связано с лёгкостью заработка, мы приняли исторически ошибочное решение продолжить начатое шулерство – вступили, можно сказать, в сговор. Вытирая тыльной стороной ладони жирные губы и разнося их блеск по всему лицу, мы азартно разработали ещё более изощренную систему обыгрыша.

Динамику процесса по передаче игроку нужных карт при помощи длинных рук и невинных глаз – считали отработанной. Манюня был неподражаем и незаменим в одном лице. Осталось придумать, как незаметно и просто обмениваться за столом информацией, чтобы от Манюни приходили правильные карты. Естественно, под столом. Придумали. С помощью пачки сигарет и коробка спичек мы разработали систему передачи комбинаций, мастей, значений карт и их количества. Мы только успели насытиться, но не наесться от пуза, а система покерного семафора была уже готова, легко залегла в память и требовала скорейшего воплощения в жизнь.

Таким зашифрованным образом мысли мы полностью отказались от подмигиваний и перекидываний невнятными словами с междометиями во время игры, при этом научились точно и доходчиво передавать друг другу самые свежие

новости.

Порядок обмана был таков: группа поддержки, подсмотрев в чужие карты, сообщает, с какой комбинацией на руках играет соперник; наш игрок, в свою очередь, заказывает нужную карту у подстольного крупье; тот, не снимая маски меланхолии, граничащей с идиотией, делает своё чёрное невидимое дело, передавая карты для победной комбинации. Добыча делится поровну на всех. На том и порешили.

Игра продолжалась. Каждый вечер к нам на огонёк заскакивали не до конца ранее обиженные аспиранты, в надежде отыграться, а также местные студенты с рублем на троих. Мы же играли скромно, не зарывались и, естественно, не проигрывали – ежедневно вкусно и сытно обедали бульоном со слоёными пирожками. *Ах, харьків'янка, харьків'янка, харьків'яночка.*

На этом глава 7 окончена. Наступает развязка. Если кто-то не заметил комизма описываемых событий, так вот, комизм завершился. Остаётся трагизм и всепобеждающий оптимизм в конце повествования.

8. Селяне

Жизнь вроде как наладилась, но тут пришел комендант с новым распоряжением – вынести из комнаты буфеты в коридор, поставить ещё кровати и заселить к нам заочников, как он сказал, на пару-тройку дней. На это требование мы уже вместе с аспирантами солидарно возмутились. Им жалко добро в буфетах, которое, как оказалось, мы охраняли, а нам, плотно упакованным шпротам в банке, категорически было тесно самим по себе. А тут ещё кого-то подселяют. Аспиранты тычут пальцем в небо – это значит «напишем в партком». Мы активно киваем и поддакиваем. А затем, с покорностью людей, знающих точно, что для нас этот дурдом закончится через несколько недель раз и навсегда, бурча и возмущаясь, помогали аспирантам вытаскивать в коридор их фанерных уродов. Вечером мы недовольно наблюдали, как студенты-заочники затаскивали для себя кровати.

На следующий день после похода в «Харків'янку» мы вернулись в общежитие. Довольные, сытые и чём-то, даже, снисходительные. И что мы видим? Новые жильцы, заочники из Полтавской области, уже обжились: кто спал, кто читал, а кто и, разложившись по-хозяйски за нашим столом, что-то усердно переписывал.

Вечером, как обычно, играли. Заочники, или как мы их между собой окрестили, селяне, лёжа на своих кроватях,

смотрели на городских ребят, азартно играющих в диковинную игру. Потом и они, заинтригованные нашими шумными эмоциями, подсели. Не все, конечно. Только двое. Мы их приняли, научили и без всяких шулерских приёмчиков, в порядке оказания шефской помощи, обыграли рубля на два три.

На следующий день, вернувшись в общагу, мы обнаружили, что с подоконника пропала наша колода. Она была уже порядочно заиграна и замусолена, взлохмаченная, легко сдавалась, не липла, а некоторые неизбежные заломы, потёртости и припачканности рубашек красноречиво подсказывали значение карт. Решили, что аспиранты сделали очередную мелкую пакость, на том, казалось, надо было и успокоиться, но тут один из заочников засобирился в гастроном. Одевшись и накрутив на ладонь авоську, он спросил:

– Кому купить чего?

– Зайди-ка, дружище, в галантерейный напротив, – сказал Шура, протягивая рубль, – и купи колоду карт на 54 листа, там они есть.

Селянин вернулся поздно, играть уже не хотелось. Посмотрев в красном уголке по телевизору программу «Время», рано улеглись спать. Кино не показывали, а смотреть концерт эстонских фольклорных ансамблей в наши планы никогда не входило.

Вечером следующего дня, рассевшись по своим местам за столом, мы приступили к игре новой колодой с нашими све-

жеиспечёнными соседями селянами-заочниками.

Игра проходила, скажем так, вяловато. Селяне осторожничали и при первых же признаках опасности уходили в пас. Мы же могли благодаря действующей системе подстольного картообмена собрать любую комбинацию, но при такой игре это было лишено смысла. Играя, мы попивали чаек с печеньем, сухим и нежирным, чтобы не портить новые карты, по ходу игры обсуждая проблемы по практике и варианты досрочного её окончания.

И тут упал стакан. Были такие стаканы – небьющиеся, из закалённого стекла. Когда бьётся обычный, тонкий или гранёный, процесс разрушения короткий и звонкий. Примерно так – дзинь и тишина. А тут небьющийся. Такие стаканы, и в самом деле, падая на пол, не бились. Конечно, если пол деревянный или линолеумный. В нашей комнате-бытовке пол был кафельный, и упавший небьющийся стакан, оглушив грохотом разорвавшейся гранаты, разлетелся на мельчайшие острые осколки. Игру прервали. Пошли за совком и веником, перетрусили вещи и обувь, вымели стекло, осколков миллион, мельчайших и на полу, и на постелях. Затем влажной тряпкой протерли пол, а тряпку выбросили... в угол.

Минут через сорок, без всякого энтузиазма, нехотя, вернулись за стол. Сдали карты. Продолжая обсуждать парадокс разбития неразбивающихся стаканов, я механически приоткрыл полученные карты, взглянул на них, быстро сложил и оставил лежать на столе перед собой. Это был сигнал – у ме-

ня что-то есть, и я могу играть. Там были три туза и ещё что-то. А что такое три туза? Во-первых, это «тройка» – комбинация слабая, но бывает, что и выигрывает; во-вторых, если добавить ещё одного туза или джокер – «каре», а это практически победа; в-третьих, если добавить к «каре» ещё один джокер – будет «покер», тем более в тузах – победа абсолютная. И, хочется напомнить, что таинственное перемещение карт по-прежнему в наших надёжных руках.

Один из заочников ушёл в пас, второй так же, как и я, сложил карты перед собой на столе и из игры не вышел. Шура и Манюня остались создавать видимость участия, чтобы после трех обменов уйти в пас. Это такая тактика.

Сделали три положенных круга. Шура и Манюня меняли по одной карте, я менял по две, но ни туз, ни джокер так и не пришли. Студент-заочник-селянин не поменял ни одной. Он к ним ни разу больше не прикоснулся – карты, ровненько сложенные аккуратной стопочкой, лежали перед ним. Активисты группы поддержки всем своим видом показывают, что не знают, что у него там. Не заметили, не успели, и подсмотреть нет никакой возможности.

Было очевидно, если он ничего не меняет – или на руках весомая комбинация, или очень рискованный блеф.

Начали игру. Я положил в банк три рубля. Для начала это сразу много, но я решил таким образом исключить блеф и закончить на сегодня порядком неинтересную игру.

Он положил сверху пять...

Взяв в руки коробок спичек и поставив его на попа в середине лежащей пачки сигарет, я запросил туза. К тому времени уже вся неиграющая часть колоды была в руках у Шуры. Он лениво пересматривал её, всем своим видом показывая, что его всё ломает и просто нечем больше заняться, уйдя в пас.

Далее следует мгновенная, как укус кобры, неуловимая передача найденного в колоде туза Манюне, а затем обмен карт по отработанной схеме: задумчивый взгляд в потолок, невинная блуждающая улыбка, небрежная поза с опущенной вниз рукой – все атрибуты надводной части айсберга. И тут же два чётких движения под столом: № 1 – моё правое колено аккуратно накрывает карта с тузом, № 2 – с левого колена исчезает лишняя, ненужная карта, чтобы спустя минуту затеряться в колоде у Шуры. Я отрешённо смотрю на Манюню, знаю, что он сейчас проворачивает под столом, и не замечаю никаких внешних проявлений. Высший пилотаж. В цирке показывать такое нужно. За деньги.

Глянув на свои карты с подоспевшим вовремя пополнением, я удовлетворенно увидел «каре» – ну очень редкую комбинацию – и уверенно пошёл в атаку. Десять рублей отважно полетели в банк.

Полетели – это громко сказано. Червонец – это билет на поезд домой. Это неделя жизни в чужом городе. Он, конечно, и полетел в банк, но только в роли устрашающего элемента, и его денежный эквивалент в данный момент был аб-

солютно нивелирован.

Заочник сидел ровно, к своим картам так ни разу и не прикоснулся, смотрел спокойно. Лицо ничего не выражало, хотя ещё пять минут тому назад суетился и, вставляя к месту и не к месту селянские шуточки и прибауточки, вместе со всеми убирал осколки. Сейчас сидел молча и чего-то там себе *міркував* (укр.) на свой лад в потёмках недоступного для нашего понимания мозга.

«Насколько его хватит?» – не успел подумать я.

Скудная мыслишка прервалась в своём полёте – парень из нагрудного кармана пиджака достал сложенные пополам двадцать пять рублей, развернул их, бережно разгладил и положил на мой червонец.

К такому развитию событий я готов не был. У меня были деньги. Но на них ещё нужно было прожить и уехать домой. Я колебался – или положить четвертной и вскрыться, или повысить ставку и продолжать играть. Выигрыш уже был достойным, в победе я был уверен. Но меня неприятно смущало одно – я не знаю его карт, и группа поддержки в полной прострации. Надо подумать... Я достал и пересчитал оставшиеся деньги. Было тридцать рублей с мелочью. Не жирно. Посмотрел на ребят. Как мне показалось, никто из них не сомневался в моём выигрыше, смотрели спокойно, немного рассеянно, продолжая изображать напускное безразличие к происходящему. Я отсчитал три десятки:

– Повышаю.

«Ну, думаю, давай. В пас ты уже не уйдешь, зарылся на славу. Бросай тридцатку. Вскроемся. Предъявишь свой замечательный «стрит» или редкостный по красоте «колор», а я эффектно веером разложу свой «покер», а для понтов последнюю, пятую карту, оставлю закрытой, мол, и так хватит, нечего «покер» светить – пугать фортуна».

Я уже отчетливо видел триумфальный конец партии и осязал, как победоносно раскладываю свои карты и срываю банк. Посмотрел на часы, время было позднее, засиделись, да ещё стекло убирали долго... Короче, пора заканчивать и делить добычу.

Мои мысли перебил заочник:

– Пятьдесят.

И это мне не понравилось. Неприятный холодок мурашками пробежал по спине, забрался под трусы и засвербел колючим шевелящимся сгустком в районе копчика. Пятидесяти рублей у меня не было. Видимо, они решили задавить нас ставками, лимит-то мы не оговорили. А сколько у них денег? Двести, триста рублей, пятьсот на двоих? Нас больше, но мы здесь уже вторую неделю, потратились, несмотря на небольшие выигрыши, которые тут же проедали. И сколько у каждого из нас, студентов, в чужом городе осталось денег? Такого развития событий мы не предусмотрели. Но алгоритм решения проблемы оставался один – играть на выравнивание ставок, вскрываться и смотреть комбинации на руках. У меня, в конце концов, «каре». Вариант уйти в пас равнозначен

побегу с передовой.

«Так, спокойно, только не истерить. Нас много, перебьём».

– Помогите материально, – шутливо проговорил я.

Призыв прозвучал с небольшим опозданием – из карманов ребят уже лезли трёшки, пятерки, десятки.

– Надо записывать кто и сколько даёт, – сказал Профессор, самый пунктуальный и высокоорганизованный из нас, вырывая из тетрадки двойной листик. – Назовем «Фонд материальной помощи», – пошутил он и красивыми крупными чертёжными буквами вывел заголовок.

Через несколько минут Шура собрал пятьдесят рублей и, недоверчиво глянув исподлобья на замерших селян, лично положил их в банк. Мне только оставалось констатировать свершившийся факт, и я произнёс:

– Вскрываемся?..

Я должен был сказать это весомо и утвердительно, но голос подвел – к моей нечеткой дикции с прищёпыванием и легким интеллигентным прикартавливанием, которые это слово изменили до неузнаваемости, добавились ещё и предательские вопросительные нотки. Я прокашлялся, прочистил горло и повторил твёрдо, по-деловому чётко, тщательно выговаривая с повелительной интонацией все буквы:

– Вскрываемся.

Я посмотрел на студента-заочника-селянина и увидел, как его рука медленно, но неумолимо опять полезла во внутрен-

ний карман пиджака.

– Ты что корову продал? – вырвалось у меня. – Предупредить надо.

– Та не, – ответил он на полном серьёзе, – у нас коровы нема, маманя только козу держит, там... на молоко, на брынзу.

И вытащил, гад, сто рублей. Опять же развернул, разгладил ладошкой, неторопливо сложил пополам, аккуратно развёл концы и домиком поставил на самый верх нашей, только что с таким трудом собранной, кучки.

Катастрофа! Все притихли и молча, тупо, будто никогда в своей жизни не видели денег, уставились на эти сто рублей. Они как памятник тому, чей профиль изображен на лицевой стороне купюры, венчали денежную композицию.

Жизненно важно! Срочно! Сто рублей! Мы принялись громко, не обращая внимания на соперников, обсуждать, где взять деньги. Вывернули все карманы, привлекли ребят из смежной комнаты, кто-то взялся пройтись по студентам общежития и одолжить.

Каким ничтожным мне тогда показалось моё «каре», когда тебя давят деньгами, и ты не можешь ответить. И пусть даже «покер» руках, но ты не способен его дотянуть до вскрытия, просто нет денег...

«Покер» – подумал я. – А если у него «покер»? Он так спокойно себя ведёт, не боится, поднимает ставки... Если «покер», то не в тузах – четыре туза у меня... Нужен срочно

джокер. Тогда «покер» в тузах мой, и перебить его уже ничем невозможно. Абсолютное оружие... Так, действуем. Срочно необходим один джокер».

Я сооружаю новую комбинацию из коробка спичек и пачки сигарет, но на меня никто не смотрит, все заняты поисками денег. Стараюсь привлечь внимание, и всё более и более убеждаюсь, что у селянина на руках «покер».

«Но не в тузах, это точно – тузы у меня», – как заклинание повторял я про себя.

Смотрю пристально на Шуру и глазами скашиваю на спичечно-сигаретную конструкцию. Шура усиленно занят сбором средств и ничего не замечает. Я начинаю громко кашлять, когда он на меня наконец-то посмотрел, я двумя пальцами, указательным и средним, провел вдоль носа сверху вниз, а затем указательным под носом, как бы утирая сопли, – это была буква «Д» детской дворовой азбуки глухонемых. Я требовал найти джокер. Не понял. Хуже того, он поднялся из-за стола и занервничал стоя.

Незадолго до Харькова. Москва, парк Горького, 1975 год.
А.Шишов, А.Токаев (Шура)

Я не выдержал и пнул Манюню под столом. Тут же в ответ этот невинный, непонимающий, отвлеченный взгляд. Я чуть ли не пальцем показываю на коробки, смотри, мне нужен джокер. Его густые ресницы дрогнули – он меня понял. Взял со стола колоду и принялся её перебирать. Один раз, бегло просматривая и перекладывая из одной ладони в другую, затем ещё раз, но уже медленней и внимательно. И так же безрезультатно. Оба джокера были на руках, причем не на моих.

Как же мы раньше не додумались проверить?! Два джокера могут скомбинировать всё что угодно.

Мои страхи и мысли прервал Мурчик. Выйдя из смежной комнаты, он гордо держал над головой зажатые в кулак деньги:

– Профессор, запиши, – сказал он, – все, кроме Серёни, сдали по двадцать рублей. Серёне общественное порицание.

Этому нас научили на военно-морских сборах в Севастополе: в ответ на вынесенное персонифицированное общественное порицание все должны были хором сказать:

– У-у-у, су-у-у-ка.

Но не сказали, не до того было – увлеклись сосредоточенным пересчётом денег. Есть. Есть сто рублей. Опять же Шура, уже не садясь, положил их в банк.

Студент-заочник, немного привстав, дотянулся до собранных денег и по-хозяйски пересчитал. Затем аккуратно

положил их обратно в кучу и произнес:

– Поровну, вскрываемся.

У меня камень упал с души – им больше нечем поднимать ставки. Упал, но до земли не долетел, завис где-то посередине, в районе коленной чашечки.

Селянин не устраивал представление, не делал никаких эффектных заявлений. Немного смущаясь и одновременно гордясь своей победой, он произнёс раньше, чем показал карты:

– «Флэш-рояль» или как вы там его называете... Сами смотрите, – и неуклюже раскрыл рваным веером выигрышную комбинацию.

Вот и они, эти два ухмыляющихся, подлых джокера, уютно заполнивших вакансии справа и слева от валета червового, такого же червового как король и девятка.

Свои карты я не перевернул. Согласно принятому у нас табелю о рангах и в соответствии с теорией вероятности из учебника Венцель, «флэш-рояль» был старше «каре». Чего там смотреть? Пятого туза в колоде не бывает.

Мы сидели неподвижно и смотрели, как селяне-заочники собирали деньги и складывали их по кучкам. Рублики к рубликам, трёшки к трёшкам, пятерки к пятеркам, десятки к десяткам и так далее. Собрав и сложив купюры, они встали и пошли спать – тут же в двух метрах от поля брани стояли их кровати. Они даже не поинтересовались, а с чем я играл. Не спросили.

В комнате резко стало душно, захотелось свежего воздуха. Зачерпнув никому ненужную и требующую до сих пор джокер, конструкцию спичечно-сигаретного семафора, я тихо, если не считать натужного сопения, вышел из комнаты. Я шёл по длинному, плохо освещённому, заставленному буфетами, столами и стульями коридору и не чувствовал ни досады от проигрыша, ни опустошённости после ярко-эмоциональной игры, ни разочарования.

Я прикидывал сложившуюся ситуацию:

«Мы остались без денег не только на пропитание, но и на дорогу домой. Сколько мы проиграли? Сто девяносто три рубля? Сорок три это – мои, кровные. А остальные сто пятьдесят, как бы, мы все. Но эти «мы», косвенно тоже я. Двести рублей!!! Пять стипендий! Полуторамесячная зарплата инженера! Почти целый джинсовый костюм “Lee” или “Wrangler”. А диски... Мне предлагали оптом за двести “Led Zeppelin IV” с супер-песней «Stairway to Heaven» и “Burn” Deep Purple с умопомрачительной «Sail Away». Только денег таких как-всегда у меня не было... Картами столько никогда не заработать, да и не хочется те карты и в руки брать. Ну их к чёрту... Серёня не скинулся, молодец, – у него точно деньги остались... Для начала нужно будет у него одолжить рубль три, разменять по пятнадцать копеек и позвонить в Одессу. Все будем звонить, все до единого, солидарно. Что сказать дома – не проблема, придумаем. Я, например, ска-

жу, что в карты проигрался. Не поверят, но деньги пришлют. Через два-три дня получим первые переводы, телеграфные. Через неделю остальные, отправленные по почте. Со временем, месяца за три-четыре, всем верну долги. Досадно, но не смертельно».

Проходя мимо вахты, увидел белеющую стопку с новыми письмами. Мне тоже пришло, одно. От девушки из Одессы. Выйдя на крыльцо, я вскрыл конверт, развернулся лицом к свету одиноко горящей лампочки над входной дверью и на одном дыхании прочитал письмо. В самом конце, перед прощальным поцелуем, тёмно-синим по белому-белому было написано: «Любимый, не пей, не кури, не играй в карты на деньги...». Я вложил письмо обратно в конверт и спрятал его в карман куртки.

Первая же глубокая затяжка смешала дым болгарских сигарет с советским морозным воздухом, расслабила и окончательно успокоила. Мысли потекли в другом направлении:

«До чего дошёл, а? Прочитал бы я это письмо вчера или сегодня утром, или час тому назад. Что бы изменилось? Ничего... Ровным счётом ничего. Я всё равно бы играл. Честно или нет – не важно. Игра захватила, превратилась в реальную составляющую жизни. Затянула... Быстро, ненавязчиво... Сама игра или лёгкий выигрыш? Похоже, что и то и другое.

А сегодня произошёл сбой в системе. Одна только мысль о покере вызывает отвращение. Это сейчас, по-свежему...

Надолго ли? Что-то пошло всё-таки не так...»

На улице было ощутимо холодно, но разгорячённая кровь никак не остывала, бурлила, вызывая совсем дикие, непривычные и, главное, нематериалистические мысли:

«Как, прикажете, понимать этот разгромный проигрыш – тайный знак, последнее предупреждение? Складывается ощущение, что кому-то, надеюсь всё же, сверху, а не снизу, моё баловство не понравилось. Ни тяга к игре, ни методы беспроигрышного облапошивания. Что это? Стечение обстоятельств, рок, судьба? Где грань, отделяющая личное участие в собственной жизни от внешнего вмешательства планиды?

И что такое игра? Потребность, средство для впрыскивания адреналина в кровь, заработок от удачи, образ жизни? Или всего лишь моделирование реальной жизни – здесь тебе и удача с неудачей, и предательство с обманом, и скупость с расточительством.

Проще всего быть умным задним числом. Или, как иногда интеллигентно говорят в Одессе, – «Умный, как моя жена вчера».

Через полгода мы получим дипломы, окончится наше затянувшееся детство, и, как на фронт, мы все уйдем добровольцами во взрослую жизнь. Что нас там ждет? Это намного интереснее, чем сегодняшний проигрыш».

Отойдя от общежития вглубь тёмной аллеи, я щелчком запустил окурок в дальний сугроб и, провожая взглядом его

крутую трассирующую траекторию, невольно заметил, как ярко на небе светят звезды. Завтра, наконец-то, будет солнечная погода.

На этом глава 8 окончена. Развязка произошла, кажется, что всё, история окончена. Уже не будет ни комизма, ни трагизма. Остаётся только одно – всепобеждающий оптимизм.

9. Разоблачение

На следующий день проснулись поздно, ни на какую практику не пошли. Ни студентов-заочников, ни их вещей в комнате уже не было. Уехали. Но оказалось, что съехали не только они. Влетевший в нашу обжитую бытовку комендант объявил, что освободились комнаты, и мы должны срочно переселяться. Выпив чаёк, мы неторопливо принялись собирать вещи и складывать постели.

Когда сдвинули с места кровати, чтобы достать свои сумки и чемоданы, случайно зацепили матрас Манюни. Из-под него что-то выскользнуло – это была колода карт. Она смачно шлепнулась на пол и рассыпалась во все стороны, скользя по кафелю и шурша всеми своими пятьюдесятью четырьмя новыми листами. Стараясь не наступить, мы бросились их поднимать и по одной предавали Профессору. Тот их принимал, аккуратно складывал и вслух считал. Наконец, после того как в дальнем углу под кроватью нашлась последняя карта, Профессор торжественно произнес:

– Пятьдесят четыре. Все в сборе.

Я принял от Профессора колоду и развернулся к подоконнику, чтобы по привычке положить её на своё место, но узкий проход к окну был перекрыт. С одной стороны стол, с другой кровать, а посередине, закрыв проход широченной спиной в джинсовой куртке, стоял неподвижно Шура и ку-

да-то напряженно смотрел. Его взгляд был прикован к подоконнику. Я тоже туда взглянул – на белой пыльной поверхности, в лучах яркого солнечного света лежала точно такая же новая колода карт. Лежала на том самом месте, куда Шура её вчера и положил. Вторая колода-близнец была у меня в руках. В воздухе повисла напряжённая пауза. Понятно, что так не должно быть, но факт налицо – карты самопроизвольно размножились. Первым отреагировал Серёня, вытирая платком простуженный нос, он злорадно прогнусавил:

– Вам подменили колоду, хе-хе... В игре были две одинаковые колоды.

Он сказал, и наступило прозрение. Крича и перебивая друг друга, размахивая руками и брызжа слюной, мы скрупулёзно вспоминали подробности вчерашнего дня, пока в итоге не выстроилась чёткая и весьма печальная картина.

Эти, извиняюсь за выражение, селяне, мам бы их, которые держат коз, оказались не так просты, как казались. Кто они «по жизни», нам неизвестно. Одно знаем точно, что заочники, приехавшие досдать экзамены. Поселились у нас совершенно случайно – тут умысла не было. Посмотрели на нашу игру, сами немного поиграли. А дальше одни вопросы. Игнали они раньше в покер, не игнали, уже неважно. Они быстро разобрались и, не выходя из образа забитой сельской молодежи, решили заработать.

Для начала совершенно неожиданно пропала наша взломаченная игранная и переигранная колода. Один из них

услужливо сходил в галантерейный магазин и купил новую. А на самом деле – две новые, одинаковые колоды из одной партии товара.

Вечером, позавчера, когда пропала старая колода и была куплена новая, мы, помнится, не играли – рано легли спать. У них было достаточно времени её спокойно подготовить или, как говорят в мире карточных шулеров, «зарядить».

Вчера мы сыграли не боле трёх-четырёх кругов новыми картами. Они оставались такими же новыми и чистыми, а затем упал и разбился стакан.

Сдавать должен был один из них, и пока мы убирали осколки, одна колода ушла под матрас, а вторую, «заряженную», они незаметно достали для игры. Стакан, конечно, это их работа. Даже если бы он не разбился, то всё равно – удачный отвлекающий маневр. Шум, разлитый чай, сладкий липкий пол. Всё рассчитано верно.

А вот колоду под матрасом забыли. Или нет, не забыли. Мы встали поздно, вот они и решили не испытывать судьбу. Не беспокоить мерно посапывающего, как принцесса на горошине, Манюню и не вытаскивать из-под него вторую, злополучную колоду. Думаю, что вид пропущенных сквозь прутья спинки длинных ног с пятидесятым размером обнаженных ступней призвал их к благоразумию.

Далее мы убрали осколки и расселись. Давал ли заочник игроку справа снять колоду после мнимой перетасовки карт, никто не помнил. Этот ритуал был у нас не обязательным.

Значит, не давал.

Колоду они подготовили таким образом: каждая нужная пятая карта доставалась одному из них – играющему. А первая, шестая, одиннадцатая и так далее – мне. Почему мне? Потому что кто-то из наших всегда сидел слева от их сдающего. Этим слева, к несчастью, я и был. Себе они сдали «флэш-рояль» сразу с двумя джокерами, чтобы исключить какие-либо варианты у нас, а мне сдали «тройку». Вот тут не совсем понятно, или они хотели сдать «каре» и просчитались, или заметили наш подстольный бильярд и оставили открытой возможность подкинуть мне четвёртого туза. Но это слишком умно и коварно. Похоже на то, что попросту случайно недодали.

Если бы я получил «тройку», и мы играли честно, то я бы ушёл в пас и ничего не проиграл. Это если бы мы играли честно. Но, увы, дамы и господа, мы жульничали.

Далее все понятно, они меня зацепили и начали поднимать до предела наших возможностей. Они могли выиграть ещё проще, увеличив банк после своих ста, и тогда я был бы вынужден уйти в пас, но, видимо, денег больше не подготовили, ведь мы могли перед игрой и оговорить лимит, а это, как обычно, двадцать пять рублей, выше мы никогда не играли.

Технология процесса стала ясна.

Но не это возмущало. А то, что нас, таких умных и находчивых, крученных и сообразительных городских мальчи-

ков, в конце концов, одесситов, обманули, нагрели, обвели вокруг пальца, надули, развели, как сладкую, простые хлопцы из украинской глубинки. Вот наглядный пример того, как стирается грань между городом и деревней.

С одной стороны, такое унижение оскорбляло, а с другой – у меня совершенно неожиданно исправилось настроение. Даже повеселел.

«Это значит, – радовался я своему новому открытию, – что влияния извне высших сил тут нет. Значит, всё-таки, мы сами творим свою судьбу и в ответе за всё, что совершаем. И нет никакого зловещего рока, звучащего в ушах бетховенской темой судьбы. Существует только один рок – музыкальный, во всём своём эстрадном ритмичном многообразии».

Мы ж идеологически подкованные, идейно воспитанные люди. Меньше месяца тому назад сдали госэкзамен по научному коммунизму. А на втором курсе экзамены по философии диалектического и исторического материализма. Навсегда засело в памяти – материя первична, сознание вторично. За один вечер атеизм не пропнешь и не проиграешь.

И, как мантру, повторяя:

«Материя первична, сознание вторично; материя первична, сознание вторично; материя первична, сознание вторично», – я застегнул молнию дорожной сумки.

Обвешенные пакетами и поклажей, зажав под мышками постельные принадлежности, мы дружно пошли расселяться. Выходя последним и бросив прощальный взгляд на опу-

стевшую комнату, я увидел на подоконнике две колоды карт, прощально отблескивающие на солнце одинаковыми рубашками.

«Забыли?.. Или забыть? Быть или забыть? «Вот в чем вопрос. Достойно ль смиряться под ударами судьбы, иль надо оказать сопротивление...»

– А нет здесь ударов судьбы, – громко произнес я, и мне послышалось, как слово «судьбы» гулким эхом прокатилось по пустой комнате.

И про себя добавил:

«Встретились два жулика, и один нагрел другого. Это, дружище, жизнь...»

Карл у Клары украл кораллы, Клара у Карла украла кларнет. Ну, всё. Проехали. Нормальная житейская ситуация. Коварство – есть, обман – есть, подлог – тоже есть, а ударов судьбы нет.

Но всё-таки каким-то образом нелёгкая занесла нас в Харьков, а селян в нашу комнату и посадила всех за один стол, где они нас обыграли в игру, которая, как мне казалось, новая и редкая? А что скажет по этому поводу теория вероятности? Умалчивает... А теория случайных блужданий?»

Положив свои вещи на матрас ближайшей кровати, я выглянул в коридор. Никого не было. Взял с подоконника две абсолютно одинаковые колоды и, сложив их в одну большую, тщательно перетасовал. Затем, разделив примерно на две равные части, крадучись вышел в коридор и с повадка-

ми диверсанта, устанавливающего мины замедленного действия, разложил беспорядочно сложенные карты по выдвижным ящикам двух ближайших буфетов.

– Подарок аспирантам, – приговаривал я, действуя тихо и осторожно, – подарок судьбы.

Наконец, покинув аспирантский отсек, я последним доплёлся до нового жилья.

– Жаль, новоселье отметить не на что, – посетовал я, осмотревшись.

– Да, жаль, – согласился Шура.

Спустя несколько тяжёлых вздохов, он мечтательно добавил:

– У кого-то сегодня обязательно должен быть день варенья.

– День варенья, – повторил я и задумался.

«День варенья» – отличное название для следующего репортажа из харьковского общежития.